

С.В. Туров

БЕРЕЗОВ ПРАВОСЛАВНЫЙ: САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА (конец XVI — начало XX в.)

Березов был основан в 1593 г. воеводой Н.В. Траханиотовым с целью приведения в покорность и обложения ясаком местных «инородцев», а также для осуществления контроля над древним торговым путем в Сибирь: «А как де он (Н.В. Траханиотов. — *С.Т.*) был на Березове, и до него и при нем торговые всякие люди со всякими товары зимним путем ходили на Березов с Выми через Камень на собаках <...> а летним де водяным путем из Сибири ходят с Березова и на Тобольской <...> а коли для поспешания — ино через Камень, не займаю Тобольска»¹. Благодаря исключительно выгодному географическому положению Березов на долгое время стал основным опорным пунктом русской колонизации Нижнего Приобья, а позднее — административным центром этой огромной территории.

Будучи военно-административным центром, Березов представлял собой в XVII–XVIII вв. город-крепость. Уже в начале 40-х гг. XVII в. его окружали мощные деревянные стены с четырьмя боевыми башнями. Главная башня — Спасская — была снабжена воротами. К «рубленому городу» примыкал «малый» шестибашенный острог. Позднее городские укрепления не раз перестраивались. В первой половине XVII в. в городе числилось около 300 человек, большинство из которых были «служилыми». Постепенно формировался и торгово-промышленный «посад»².

В конце XVI — начале XVII вв. строительство первых сибирских русских городов обязательно начиналось с храма. Так было и в Березове. Первая березовская церковь была освящена во имя Рождества Пресвятой Богородицы. К 1620 г. она уже обветшала и была отстроена заново³. «В 113-м (1605) году березовские служилые люди воздвигли храм во имя Воскресения Христова за острогом»⁴. Еще одна Воскресенская церковь появилась в Березове в связи с основанием в 1610 г. одноименного монастыря.

В 1623 г. икона Смоленской Божией Матери Одигитрии, установленная на въездной Спасской башне Березовского острога, «просияла чудесами»: «В том же городе (Березове. — *С.Т.*) есть образладычицы нашея Богородицы честнаго и славнаго ея Одигитрия. От

того же святого образа многая чудеса и исцеления бывают с верою приходящим, аки реки милостивых чудес изливаются!»⁵ По-видимому, вскоре после этого в остроге была поставлена церковь напротив той башни, где икона находилась до «чудесного просияния». Икону Одигитрии торжественно внесли в новый одноименный храм и установили в ее честь праздника, пришедшиеся на 19 октября по старому стилю⁶.

Итак, к середине 20-х гг. XVII в. в Березовском остроге было четыре церкви. Впоследствии они неоднократно перестраивались, меняли названия, исчезали в пламени пожаров, уничтожавших деревянный город практически полностью, и отстраивались вновь. Страшные пожары-катастрофы случались в Березове в 1642 и 1719 гг.⁷ Впрочем, порой в промежутках между пожарами деревянным церквям удавалось простоять так долго, что рядом с ними вырастали новые храмы, а старые все никак не могли сгореть или рухнуть.

В 1740 г. в Березове было пять церквей: соборный храм и четыре приходские церкви. Все они стояли вне крепостных стен; Одигитриевский соборный храм находился рядом с въездными воротами в крепость. Сами городские укрепления состояли «из обнесенной полисадом маленькой четырехугольной крепости <...> На ее четырех углах начато строительство боевых башен, но не закончено. Ворота с верхней стороны реки защищены башней»⁸. По Г.Ф. Миллеру, сложилась такая ситуация следующим образом: «С давних пор было лишь две церкви и лишь немного лет назад при каждой старой была пристроена новая. Первая из указанных старых церквей носит имя святого Димитрия Селунского [так!], новая при ней — Воскресения Христова. Другая старая церковь тоже посвящена Воскресению Христову, а новая при ней — Рождеству Богородицы. Там, где стоят эти две последние церкви, раньше был мужской монастырь, который, однако, 15 лет назад был сокращен»⁹.

Упомянутая Г.Ф. Миллером Богородицерождественская церковь в буквальном смысле была детищем крупнейшего государственного деятеля эпохи Петра Великого — А.Д. Меншикова, отправленного вместе с семьей в ссылку в Березов в 1728 г. Согласно преданиям, бытовавшим в Березове, А.Д. Меншиков участвовал в возведении храма, в котором сам выполнял обязанности церковного старосты¹⁰. 12 ноября (по другим сведениям, 22 октября) 1729 г. он умер и был похоронен близ алтаря построенной им церкви, сгоревшей в 1764 г.¹¹ В грандиозном пожаре 1806 г., уничтожившем практи-

чески весь город, сгорела последняя деревянная церковь — Одигитриевская¹². Сгоревшие обветшавшие городские укрепления Березова более не возобновлялись¹³.

Березовскую церковь Смоленской Божией Матери Одигитрии вообще постоянно преследовали несчастья. Первый раз она сгорела еще в пожаре 1719 г.¹⁴. В начале 50-х гг. XVIII в. при митрополите Сибирском и Тобольском Сильвестре Гловацком (1749–1755 гг.) началось возведение каменной Одигитриевской церкви, которую строил «мастер посадцкой» Иван Денисов. К 1753 г. работы были закончены, а храм обустроен и украшен. О завершении работ свидетельствовал казначей Тобольского архиерейского дома Иакинф, являвшийся в это время (в 1753 г.) по совместительству игуменом Кюдинского Свято-Троицкого монастыря и подрядивший «поправлять» кровлю и главы Троицкого собора монастыря Ивана Денисова, «который подрядился и в Березове строить церковь каменную. А ныне там, в Березове, делать ему нечего»¹⁵.

Василий Зуев — автор известного «Описания живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов ...» — в бытность свою в Березове в 1771 г. видел эту церковь «каменную в два этажа», однако вскоре храм начал разрушаться: «Начали появляться в церкви большие трещины и выпадать кирпичи, сперва в верхнем, а потом и в нижнем этажах». Однако церковь устояла до 1784 г. Окончательно она обветшала и рухнула «в последних годах XVIII столетия». После этого Одигитриевскую церковь решили вновь построить из дерева. Но она сгорела в 1806 г. Правда, еще в 1790 г. упомянутый выше Иакинф, тогда бывший архимандритом Долматовского монастыря, и его брат — березовский «заказчик» протоиерей Андрей Андреев — получают благословение архиепископа Тобольского Варлаама на строительство рядом с деревянной церковью одноименного каменного храма «на свой кошт», т.е. за свой счет. И вновь злой рок обратил в прах все человеческие начинания. Через 7 лет после начала строительства протоиерей Андреев скончался, а архимандрит Иакинф был убит. В итоге уже сложенные, но не покрытые стены храма простояли в таком виде до 1834 г., когда, совершенно обветшавшие, они были разобраны на кирпичи¹⁶.

Пожары бывали в Березове и после 1806 г.; например, опустошительный пожар случился в 1887 г.¹⁷. Однако огонь уже не мог уничтожить городские церкви до основания, ибо теперь березовские храмы были каменными. В 1787 г. была заложена, а в 1792 г. освящена каменная церковь во имя Воскресения Христова, а еще рань-

ше, в 1786 г., тобольским владыкой Варлаамом был освящен каменный Богородицерождественский храм¹⁸.

В середине XIX в. Березов оставался очень небольшим поселением. Помимо двух каменных церквей здесь стояли 160 деревянных «обывательских» домов, разместившихся на 4 улицах со множеством мелких переулков¹⁹. Во второй половине XIX в. храмы Березова по-прежнему составляли едва ли ни единственные его архитектурные достопримечательности. Вот описание города из отчета И.С. Полякова: «Лучшим украшением вида Березова служат две его церкви, расположенные как раз у береговой окраины, на набережной Сосвы, на двух противоположных концах города. За церквями обрисовываются красивым рядом дома, небольшие, деревянные, но с реки кажущиеся более солидными и чистыми. Собор, первая церковь, лежит выше по течению Сосвы, чем вторая: на его четырехугольном однообразно выстроенном корпусе, без ограды, покоятся два купола, третий купол весьма небольшой. Около собора каменная, довольно большая будка, казначейство. Около собора, кроме тянувшегося позади ряда домиков, нет никаких строений, открывается пустынная площадь. Другая церковь, стоящая на берегу, красивее собора. Несколько старых лиственниц стоят в ее каменной ограде, по-видимому, целые сотни лет разрастались они, их вершины поднимаются до конца среднего купола, а от главного только один острый и длинный шпиг уходит выше их и обрисовывается в чистом воздухе»²⁰.

Согласно местному преданию, упомянутые выше лиственницы — это все, что осталось от обширной лиственничной рощи. Накануне русской колонизации здесь находилась культовая роща местных хантов²¹. По-видимому, во время строительства острога языческую рощу вырубili, а на ее месте была поставлена первая березовская Богородицерождественская церковь и размещено кладбище. Однако еще в конце XIX в. ханты почитали оставшиеся священные лиственницы, особенно одну из них, «которая от старости сохранила зелень только на макушке и стоит посреди кладбища». Лиственница эта разделялась «на высоте около 6 футов на два ствола наподобие вил, почти равных по размеру»²².

В начале XX в. в Березове было 164 домовладения. Из них дворов (хозяйств с усадьбами) числилось 142. Кроме того, к 1900 г. в Березове имелись 13 казенных зданий (одно каменное) и 8 «общественных». В городе действовали 10 «мелочных торговых лавок», 2 винных оптовых склада и 3 питейных заведения («ренско-

вые погребя»)²³. Кроме двух церквей имелись две часовни. Одна из них, во имя Иисуса Христа, находилась на городском кладбище. Здесь служились панихиды и литии по усопшим. Другая часовня, «в память Преображения Господня», стояла неподалеку от Богородицерождественской церкви, «за оградой сей церкви на горе». Она была построена в 1879 г. — «вместо ветхой новая»²⁴. Согласно местным преданиям, часовня стояла над могилой некоего неизвестного праведника; в ней «накануне праздника Преображения отправляется всенощное бдение, а в самый праздник после литургии — молебен»²⁵.

Еще один молебен совершался ежегодно в июне. Начало этой традиции было положено в 20-х гг. XIX в., когда в Березове выдалось голодное время. Тогда березовцы попросили заступничества у того безымянного праведника, сославшись на то, что «его же имя ты, Господи, веси». «И как только березовцы отслужили у часовни молебен, то показалась барка с хлебом». Считалось также, что земля, взятая с могилы праведника, служит лекарством и «талисманом от несчастий»²⁶. Иногда наиболее благочестивые горожане видели, как ночью в часовне и церкви мерцал чудесный свет, и слышали пение. Некоторым являлся человеческий образ в дьяконском облачении: он выходил из часовни с горящим кадилом, обходил часовню и церковь и скрывался в часовне. Особенно часто подобные явления бывали накануне различных стихийных бедствий: наводнений, пожаров, повальных болезней²⁷. О земном бытии праведника березовцы ничего рассказать не могли. Иные, впрочем, считали, что Преображенская часовня стояла над могилой А.Д. Меншикова, так как она вполне могла быть построена в XVIII в. Во всяком случае, имеются сведения, что ее возобновляли несколько раз, а на рисунке Кеннигсфельда (1740 г.) за оградой Богородицерождественской церкви изображена часовня над могилой «некоего святого»²⁸. А.А. Дунин-Горкавич утверждал, что сразу после смерти Меншикова над могилой была устроена часовня, «куда дети его собирались каждодневно молиться о упокоении души родителя»²⁹.

По распоряжению тобольского губернатора Д.Н. Бантыш-Каменского могила Меншикова была вскрыта в 20-е гг. XIX в. Но были ли останки, обнаруженные во время эксгумации, останками светлейшего князя, установить не удалось. Д.Н. Бантыш-Каменский приказал тогда «открыть» могилу Меншикова березовскому городничему Андрееву. Последний понял приказ буквально и весной 1825 г. «близ фундамента сгоревшей в 1806 году церкви, самим Мен-

шиковым строенной, нашел гробницу, длиною в сажень». Благодаря вечной мерзлоте останки захороненного человека сохранились хорошо, и Андреев узнал в них то, что осталось от опального царедворца. Однако насколько городничий был прав в этом своем заключении, сказать трудно. Сам Бантыш-Каменский увидел эти останки только спустя полтора года. Могилу раскопали вторично, но к этому времени картина была совсем другой. Мерзлотная линза растаяла, и попавший в могилу воздух сделал свое дело. Так что свое мнение о принадлежности останков именно Меншикову и никому другому Дмитрий Николаевич составил, опираясь не только на «фамильный портрет», но и на рассказы городничего и других очевидцев. Последних, кстати, было немного: «При освидетельствовании гробницы Меншикова не было стечения народа, сие не произвело ни малейшего впечатления на жителей Березова»³⁰. Последнее обстоятельство выглядит особенно странно, ибо, как будет показано ниже, березовцы питали к памяти А.Д. Меншикова самые трепетные чувства.

Все описанное выше заставило некоторых исследователей сомневаться в том, что Бантыш-Каменский обнаружил останки именно Меншикова. В.В. Андреев, например, предполагал, что на самом деле была вскрыта могила дочери Меншикова Марии³¹. Как бы то ни было, но по указанию Бантыш-Каменского «на могиле у Меншикова [было] сделано возвышение из дерна в полтора аршина; деревянная выкрашенная решетка окружает сие место»³². Возможно, что над этой могилой и была поставлена позже Преображенская часовня. Во всяком случае А.Д. Меншиков — единственный претендент на «роль» березовского неизвестного праведника, тем более что, согласно преданиям, бытовавшим в Березове в XVIII–XIX вв., в ссылке он вдруг выказал сугубое смирение и набожность. Он запросто общался с простолюдинами, в основном на темы «о тщете мира сего и о подвигах святых мучеников», принимал участие в богослужениях в отстроенной на его средства церкви. После кончины Меншикова вокруг его имени начинает складываться культ местночтимого святого³³. В 40-е гг. XIX в. М.А. Кастрен отметил чрезвычайную популярность Меншикова-«праведника» среди березовцев. К этому времени народным сознанием была принята версия Д.Н. Бантыш-Каменского о месте захоронения Меншикова. Березовский казак, с которым беседовал М.А. Кастрен, в качестве одного из аргументов в пользу «святости» Александра Даниловича указывал на то, что его останки «найлены нисколько не истлевшими»³⁴.

Кроме «мощей» неизвестного праведника Березов православный был крепок и другими «просиявшими» в нем святынями. В первую очередь на протяжении всего XVII в. «прославлялась в чудесах» чудотворная икона Смоленской Божьей Матери, или Одигитрии. Примерно в 1686–87 гг. «по молитвам перед нею получил исцеление» от рожи тогдашний березовский воевода — стольник Иван Федорович Грибоедов³⁵. В 1688 г. он был оставлен на второй срок по челобитью жителей Березова³⁶. В ознаменование своего исцеления Грибоедов составил описание происходивших когда-либо от иконы чудес: «Запись о чудесах иконы Божьей Матери Одигитрии, в городе Березове». Это сочинение и священнические ризы «рудо-желтой парчи» благодарный бывший воевода позже переслал из Москвы «в приклад» Одигитриевскому Березовскому собору. В 1806 г. рукопись погибла в пламени катастрофического пожара, уничтожившего большую часть города, включая и Одигитриевскую церковь. Однако еще в 40-х гг. XIX в. список с этого памятника литературы хранился у кондинского отдельного заседателя Кожевникова³⁷.

В XVIII в. и позже сведений об иконе нет: она либо погибла в пожарах 1719 и 1806 гг., либо попросту пришла в забвение, что случилось (как будет показано ниже) и с другими почитаемыми березовскими иконами. В этой связи обращает на себя внимание описание середины XIX в. двух икон Одигитрии из березовского Воскресенского собора. Обе иконы находились в приделе святителя и чудотворца Николая, но не в иконостасе, а «от заборки на восточной стене церковной». В общей сложности здесь в ряд висело три образа — все они были Богородичными и, по сути, образовывали отдельный придел. В центр была помещена икона «Знамения Божией Матери с предвечным Младенцем на простой доске в красках. На полях оного Мария Египетская и чудотворец Николай»; судя по всему, это была копия чудотворной иконы Абалацкой Божией Матери. По обеим сторонам от нее находились две иконы «Одигитрии Божьей Матери». Эти иконы были как бы двойными: в середину образа большого размера «с чудесами» были вставлены меньшие иконы, т.е. первые служили своего рода киотами. Все иконы Одигитрии, и малые и большие, были оправлены в серебряные оклады, убраны жемчугом и самоцветами — пожертвованиями прихожан, что свидетельствовало об их особом почитании³⁸. Впрочем, если одна из этих икон и была искомым чудотворным образом, то скорее всего являлась списком с нее, ибо подлинник, по свидетельству протоиерея М. Путинцева, в свое время был отправлен в Москву по царскому повелению³⁹.

Другой «отличимой перед прочими» была икона свт. Епифания, епископа Кипрского. Ее почитание связывалось со следующим природным катаклизмом. В первой половине XVII в. выдался год с катастрофически высоким подъемом воды в реках Оби и Сосве, державшимся практически до наступления зимы. В результате березовцы не смогли заготовить на зиму сено, так как пойменные луга — основные сенокосные угодья — были затоплены. Наступившая весна не принесла облегчения: еще в мае лежал снег, а реки были скованы льдом. Все это привело к массовому падежу скота от бескормицы и болезням среди людей. Тогда жители Березова прибегли к Божией помощи: «После поздней литургии были вынесены иконы из церкви Воскресения Христова, и в церковной ограде совершено молебствие с водоосвящением и коленопреклонной молитвой. Во время сего молебна шедший снег начал переставать, густая мгла сырой атмосферы начала очищаться, и проглянуло солнце. По окончании молебствия солнце вполне воссияло, наступило ведро и вскоре по рекам Сосве и Оби пошел лед». Вышеописанное молебствие пришлось на день памяти святителя Епифания (12 мая). Так в Березове сложилась, по научной терминологии, окказиональная традиция ежегодно отмечать молебном день памяти свт. Епифания в ознаменование чудесного обретения ведренной погоды. Однако время шло и постепенно стерло в памяти березовцев сначала смысл, заложенный в ежегодных молебнах, а затем упразднило и саму традицию. И жители города были «наказаны» за пренебрежение.

В 1846 г. бедствия вновь повторились: «От тех же причин в окрестностях Березова не было сена. В феврале и марте начали кормить скот талом (деревом тальник), в половине апреля, по опасности весеннего льда и проталин на реке Сосве и Вогулке, нельзя было достать с другой стороны даже тальниных ветвей. Снег лежал еще везде и закрывал в полях оставшуюся от лета траву. Поэтому скот кормили запасенными на зиму и весну для бань березовыми венниками; кончили их — скот валился. Начали затем кормить кедровой хвоей (иглами) с примесью ржаной муки, но от этого непривычного корма скот еще больше валился. Притом была ненастная погода с мокрым снегом, тяжкая даже для здоровых людей». По этому случаю и благодаря инициативе местного священника Иоанна Заборовского молебствие о ниспослании ведра в день памяти святителя Епифания было возобновлено. Подновлена была и икона святителя, «так как прежняя была очень древняя, с полуполинявшим лицом и малого размера». Новый образ за свой счет заказал московским

иконописцам березовский купец Александр Александрович Нижегородцев⁴⁰. Вот ее описание: «Образ святителя Епифания и при нем Господь Вседержитель на кипарисовой доске, вышины 6 вершков, ширины 5 вершков. На нем два венчика с сиянием вызолочены. Риза, серебряная кованой работы, весу восемьдесят один золотник (81), 84 пробы. Цирот в киоте, вызолочен на полимент и убран матовою резьбою. Киот оклеен красным деревом и за стеклом. Пожертвован купеческим братом Александром Нижегородцевым»⁴¹. По крайней мере еще один раз, в 1891 г., состоялся общественный молебен в день памяти святителя Епифания. В этом году в Березове вновь пало много скота по причине катастрофического наводнения⁴².

Своей древностью и «величественностью» отличались еще две иконы Воскресенского собора — «Нерукотворного Спаса» и «Казанской Божьей Матери». Березовские старожилы полагали, что эти иконы ранее находились в иконостасе самой первой, по времени строительства, церкви. Из подписи, сделанной на образе Спасителя, было видно, что обе древние иконы были «поновлены» в 1731 г. иконописцем Иваном Самвизовым⁴³. Подписана автором была еще одна икона Воскресенского храма — «Образ Скорбящей Божьей Матери с чудесами», написанный в 1755 г. иконописцем Дмитрием Мамонтовым⁴⁴.

Жители Березова «отличали» еще две иконы. По преданию, они были поставлены в храм казаками — основателями Березовского острога. Первая икона — образ Архангела Михаила: «Писан на доске длиной три четверти аршина, шириной около 10 вершков, которая так ссохлась, что в сравнении со своим объемом сделалась очень легкой. По краям и особенно по углам она истерлась и призатухла (видна гнилость). Один нижний угол с обратной стороны неизвестно когда обгорел. Наверху иконы изображено: с правой стороны — Предвечный младенец и трапеза с хлебом предложения, потир и копые. Сама икона изображает на крылатом коне архангела Михаила в княжеской короне; в устах его труба, в правой руке осьмиконечный крест, кадило и копые, которым поражает поверженного дьявола — крылатого льва с человеческим лицом; в левой руке Евангелие, кверху поднятое; внизу изображен городок с крепостью».

Другая икона — Николая Чудотворца: «Святитель изображен в рост, в одной руке держит церковь, а в другой — меч. На святителе риза золоченая»⁴⁵. Березовские казаки считали эти иконы своими палладиумами. В канцелярии городского казачества даже имелся

своеобразный «заместитель» этих икон — образ, на котором были изображены архангел Михаил и святитель Николай. Две древнейшие иконы Березова уже привлекали внимание современных исследователей. Н.Г. Велижанина пыталась с их помощью реконструировать гипотетическую походную часовню Ермака с целью уточнения места выхода ермаковых казаков. Попытка эта выглядит малопродуктивной. Так, Никола Можайский был отождествлен Н.Г. Велижаниной с северной традицией, а иконографическая версия Архангела Михаила — с поволжской.

Думается, что значительно более перспективный путь — это анализ сюжетов ранних березовских икон как части сакрального (знакового) пространства местного сообщества. Выше было показано, что это пространство формировалось в связи с административным и экологическим факторами, но, кажется, не меньшее значение имел фактор этнический. Находясь в инородном, часто враждебном этническом окружении небольшой гарнизон и малочисленное население березовского посада в конце XVI — начале XVII вв. вынуждены были адаптировать свои духовные ценности к мировоззрению местного инородческого населения. Этого также требовала задача христианского просвещения края. В то же время, уже на раннем этапе колонизации Нижнего Приобья начинается процесс инкорпорации части аборигенов в состав русского населения (смешанные браки, новокрещеные).

Наиболее очевидны перечисленные мотивы в актуализации образа святителя Николая — популярнейшего святого Русского Севера («От Архангельска до Колы тридцать три Николы»), откуда шло первоначальное заселение Нижнего Приобья и всей остальной Сибири. В Поморье Никола считался покровителем путников, мореходов и торговцев. С теми же функциями и с той же высокой степенью сакральной популярности он был воспринят сибирской христианской традицией. В Сибири, как в музеях, так и в частных собраниях, иконы св. Николая занимают по количеству второе место после икон Богородицы. Вполне объясним выбор березовцами в качестве палладиума популярного на Руси иконографического типа св. Николая Можайского, который рассматривался как защитник и потому «повсеместно становился локальным покровителем»⁴⁶. Но, думается, была еще одна не менее существенная причина актуализации образа святителя Николая в Березовском остроге. Давно подмечено, что как крещеное, так и некрещеное аборигенное население Сибири от Зауралья до Забайкалья повсеместно по-

читало «русского Бога Миколая» (обские угры, ненцы); «седого старика» (буряты)⁴⁷.

Образ архистратига Михаила был избран в качестве палладиума также неслучайно. Конечно, казакам-воинам импонировал образ архангела — воеводы небесного воинства. Однако за данным выбором прослеживаются некие параллели с местными религиозными верованиями. Как уже отмечалось выше, Богородицероведственный храм Березовского острога был поставлен в священной для аборигенов роще. Н.Л. Гондатти в 80-х гг. XIX в. выяснил, что это культовое место было посвящено пятому сыну главы мира сверхъестественных существ, небесного божества Нуми Торума — Аяс Торуму⁴⁸. Впрочем, все восемь (семь) сыновей Нуми-Торума суть ипостаси его младшего (единственного) сына Мир-сусне-хума («Мир озирающий человек»). В локальных традициях ханты и манси у этого персонажа разные имена, но главная его функция — покровительство людям и заступничество за них перед другими духами — остается неизменной. Кроме того, «смотрящий за миром» выполняет роль посредника между людьми и Торумом⁴⁹. У ненцев сходное по функциям и атрибутам божество именовалось Явмалом⁵⁰.

Именно атрибуты Мир-сусне-хума в первую очередь и «узнавали» аборигены в иконе св. Михаила*. Крылатый конь архангела соотносится ими с таким же конем Мир-сусне-хума, на котором он, облаченный в доспехи, ежедневно объезжает Землю. Важное место в атрибутике Мир-сусне-хума отводится его шапке конической или куполообразной формы⁵¹. На березовской иконе архангел Михаил изображен в княжеской короне. В собрании Омского музея изобразительных искусств имеется икона св. Михаила, почти полностью соответствующая изображению березовской иконы. Здесь архангел, сидящий на крылатом коне, сам изображен с распростертыми крыльями. Крылья св. Михаила для аборигенов были знаком ипостаси Мир-сусне-хума в виде Гусья-богатыря⁵². Г. Новицкий в первой чет-

* Полевой этнографией зафиксировано осмысление финно-уграми христианской мифологии сквозь призму собственных мифологических представлений. «Нуми-Турум (Турум) представляется хантами как Бог-Отец»; богиня «Калтась-Торум — супруга Торума и мать Мир-Сусне-хума соотносилась с Богородицей, а сам Мастер (Мир-сусне-хум) — с Христом». См., например: Руденко С.И. Иногородцы Нижней Оби. СПб., 1914. С. 12.

верти XVIII в. описал общехантыйское святилище в юртах Белогорских на Оби, в котором хранилось изображение медного гуся, конечно связанного с культом Мир-сусне-хума⁵³.

Композиция рассматриваемой иконы, как это ни парадоксально, отражала, с точки зрения местного населения, иерархию и взаимосвязи языческого пантеона. Архистратиг Михаил или Мир-сусне-хум занимает срединное положение; вверху, в небесах — Господь или Нуми Торум; на земле — поверженный дьявол или Куль (Хуль) Отыр, владыка нижнего (подземного) мира⁵⁴. История Куля также напоминает падение сатаны: первоначально он был близок Торуму и обитал на небесах, но затем Торум изгнал строптивного Куля, и тот вынужден был бежать на землю (решающая роль в изгнании Куля принадлежала Мир-сусне-хуму или Урт-ики, Кон-ики), где он стал владыкой подземного мира⁵⁵. Возможно, христианство способствовало более четкому оформлению культа Мир-сусне-хума населением Нижнего Приобья, у которого в качестве образа Мир-сусне-хума служили изображения всадника на металлических тарелках или блюдах⁵⁶. Зачастую в культовых целях использовались и импортные вещи IX в. болгарского и урало-венгерского происхождения с подобным рисунком⁵⁷.

Языческо-христианские параллели получили «обоснование» в местных легендах. В начале XX в. А.А. Дунин-Горкавич записал в юртах Непкиных следующее предание: «Там, где стоит теперь в г. Березове Богородская церковь, в старинные годы рос сплошной лиственный лес. Испокон веков в этом лесу обитало божество. Ездил туда народ остяцкий и даже самоедский; поклонялись они божеству и оставляли богатые приклады. Пришли на здешние места русские, но не тронули божества: люди были честные и правдивые. Опять прошло много времени. Стали русские просить шаманов, чтобы они от себя просили божество отдать это место для постройки церкви. И сказала божество шаманам: “Теперь здесь поклоняются только те, которые настояще не знают моего Бога, а потом здесь будут поклоняться моему Богу знающие Его и не понимающие. Я должен отдать то место. Возьмите отсюда все, что есть здесь моего и несите прямо на восход солнца, — я укажу, где остановиться. Только прямо несите. Через сухое место тащите лодки на себе”. Так шаманы и сделали: собрали все и поехали в лодках на восток. За рекою Сосвой через луг не могли перетащить лодки с прикладом. Божество велело оставить приклад здесь, махнуло на него рукою, и образовался из него большой песчаный бугор (остяки

через этот бугор не ездят). На закате солнца пришли шаманы на этот бугор. Оглянулось божество и увидело, что отсюда то место, где обитало оно раньше, видно, как на ладони. “Здесь хочу жить!” — сказала божество. И с того времени этот шайтан самый почетный среди казымцев и обских остяков — находится здесь»⁵⁸. В тексте предания особенно интересен акцент на мирное добровольное замещение языческого святилища православным храмом. Монолог березовского «божества» вполне может быть истолкован как признание преемственности между олицетворяемым им культом и новой (христианской) верой. Так закладывались основы двоеверия сибирских народов.

Формирование сакрального пространства продолжалось до начала XX в. Прихожане Богородицерождественской церкви г. Березова стали «прибегать со особенным усердием со своими молитвами к образу Божьей Матери, именуемой Скоропослушницей»⁵⁹. Стоял этот образ «в иконостасе теплого придела во имя Антония и Феодосия Печорских чудотворцев», с давних лет он являлся местным и считался «древним». В 1895 г. по ходатайству березовцев Тобольская духовная консистория разрешила причту Богородицерождественской церкви «в каждое воскресенье служить по вечерне акафист Богородице и праздновать иконе Божьей Матери, именуемой Скоропослушница, в день явления ее, 9-го ноября, ежегодно наравне со средними праздниками»⁶⁰. К началу XX в. значимость иконы возросла настолько, что 9 ноября 1910 г. по благословению епископа тобольского и сибирского Евсевия, было учреждено приходское братство во имя иконы Божьей Матери Скоропослушницы⁶¹.

¹ Андреев А.И. Заметки по исторической географии Сибири XVI–XVII вв. // Известия ВГО. М.; Л., 1940. Вып. 1. Т. 72. С. 154.

² Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Тюмень, 1999. С. 170–172.

³ Шашков А.Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. Екатеринбург, 2003. С. 7–8.

⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. М., 2000. С. 230. В памятной книге березовского Воскресенского собора (2-я пол. XIX в.) указывается другая дата основания храма — 1603 г. (Из истории Обдорской миссии: Источники. Тюмень, 2004. С. 141).

- ⁵ Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 48.
- ⁶ *Абрамов Н.А.* О церквах города Березова от основания его до настоящего времени // *Абрамов Н.А.* Город Тюмень: из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 501.
- ⁷ *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север: Соч. в 3-х т. Т. 3. Этнографический очерк местных инородцев. М., 1996. Приложение II. С. 7–8.
- ⁹ Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 233.
- ⁹ Там же. С. 234.
- ¹⁰ *Пекарский П.* Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Березов в 1740 году. СПб., 1885. С. 22–23.
- ¹¹ *Абрамов Н.А.* О церквах города Березова... С. 503
- ¹² Там же. С. 502.
- ¹³ *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север... Т. 3. С. 8.
- ¹⁴ *Абрамов Н.А.* О церквах города Березова... С. 501.
- ¹⁵ Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в.: Люди и стены сибирской обители накануне секуляризации (сборник документов). Тюмень, 2003. С. 49, 52.
- ¹⁶ *Абрамов Н.А.* О церквах города Березова... С. 501–502.
- ¹⁷ *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север... Т. 3. С. 8.
- ¹⁸ *Абрамов Н.А.* О церквах города Березова... С. 498, 503.
- ¹⁹ *Гагемейстер Ю.А.* Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 1–3. С. 145.
- ²⁰ *Поляков И.С.* Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии Наук. Тюмень, 2002. С. 125.
- ²¹ *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север... Т. 3. С. 13–14.
- ²² *Линк И.В.* Пятидневное пребывание доктора Эрмана в Березове // Журнал министерства внутренних дел. 1834. № 12. С. 227.; Хроника музея за 1899 год // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 13. Тобольск, 1902. С. 6.
- ²³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 490. Л. 2.
- ²⁴ Там же. Ф. 716. Д. 6. Л. 13 об., 61.
- ²⁵ *Путинцев М.* Ответ на статью « Историческая справка по поводу торжества в г. Березове » // Тобольские епархиальные ведомости. 1892. № 13–14; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 716. Д. 6. Л. 13 об.
- ²⁶ *Губарев К.* От Тобольска до Березова // Современник. 1863. № 1. С. 371.
- ²⁷ *Путинцев М.* Ответ на статью... С. 37.
- ²⁸ *Губарев К.* От Тобольска до Березова... С. 371; *Пекарский П.* Путешествие... С. 22.
- ²⁹ *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север... Т. 3. Прил. № II. С. 10.

³⁰ Шемякин суд в XIX столетии: Записки Д. Н. Бантыш-Каменского // *Пархимович С., Туров С.* Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские. Тюмень, 2000. С. 256–258.

³¹ *Андреев В.В.* Представители власти в России после Петра I. СПб., 1870. С. 40–41.

³² Шемякин суд... С. 258.

³³ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1895 год. С. 324.

³⁴ *Кастрен М.А.* Сочинения в двух томах: Т. 1. Лапландия, Карелия, Россия. Тюмень, 1999. С. 215–216.

³⁵ *Абрамов Н.А.* О церквах города Березова... С. 501; *Сулоцкий А.И.* Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии // *Сулоцкий А.И.* Сочинения в трех томах. Т. 1. О церковных древностях Сибири. Тюмень, 2000. С. 237–238.

³⁶ *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 152.

³⁷ *Абрамов Н.А.* Исторические сведения о церквах города Березова // *Н.А. Абрамов.* Город Тюмень... С. 504–505.

³⁸ ГУТО ГАТО в г. Тобольске. Ф. 716. Оп. 1. Д. 17. Л. 28 об.—29 об.

³⁹ *Путинцев М.* Ответ на статью...

⁴⁰ *Абрамов Н.А.* Празднование в г. Березове святителю Епифанию, епископу кипрскому // *Абрамов Н.А.* Город Тюмень... С. 508–510.

⁴¹ ГУТО ГАТО в г. Тобольске. Ф. 716. Оп. 1. Д. 17. Л. 28.

⁴² *Путинцев М.* Ответ на статью...

⁴³ *Абрамов Н.А.* Исторические сведения... С. 504.

⁴⁴ ГУТО ГАТО в г. Тобольске. Ф. 716. Оп. 1. Д. 17. Л. 27 об.

⁴⁵ *Абрамов Н.А.* О церквах города Березова... С. 496–497.

⁴⁶ *Бернштам Т.А.* Локальные группы Двинко-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // *Русский Север: К проблеме локальных групп.* СПб., 1995. С. 272.

⁴⁷ *Патканов С.К.* Сочинения в 5-ти томах. Т. 4. Ч. 3. С. 235.

⁴⁸ *Гондатти Н.Л.* Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири // *Пархимович С.Г., Туров С.В.* Выдающиеся губернаторы: тобольские и сибирские... С. 417.

⁴⁹ *Зенько А.П.* Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Новосибирск, 1997. С. 15.

⁵⁰ *Головнев А.В.* Смотрящий за миром // *Самодийцы: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири».* Тобольск-Омск, 2001. С. 34–35.

⁵¹ *Зенько А.П.* Представления о сверхъестественном... С. 17.

⁵² Там же. С. 15

⁵³ Краткое описание о народе остияцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году // *Путешествия по Обскому Северу.* Тюмень, 1999. С. 57–58.

⁵⁴ Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 549.

⁵⁵ Зенько А.П. Представления о сверхъестественном... С. 23

⁵⁶ Там же. С. 15.

⁵⁷ Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. Салехард; СПб., 2003. С. 21–22.

⁵⁸ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север... Т. 3. Прил. № II. С. 7–8.

⁵⁹ ГУТО ГАТО в г. Тобольске. Ф. 716. Оп. 1. Д. 6. Л. 46.

⁶⁰ Там же. Л. 44–44 об.

⁶¹ Справочная книга Тобольской епархии. Тобольск, 1913. С. 33.